

*Посвящается моим сестрам
Рэйчел, Эмме и Марии —
за вас я сразилась бы с любым демоном.
И всем, кто исцеляется от боли,
которой вы не можете
ни с кем поделиться: пусть
ваш нелегко, но он того стоит.*

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ АВТОРА

Пожалуйста, обратите внимание: в этой книге есть описания самоповреждений, физического и эмоционального насилия, приступов тревоги и паники, мыслей о самоубийстве. Я старалась касаться этих тем со всей возможной деликатностью, но, если они тем не менее вызывают у вас сильную негативную реакцию, будьте осторожны при чтении.

Итак, ты пришел за еще одним рассказом о юноше и девушке, о принцессе и скитальце, о завенджи и улраджи — да, я знаю, что случилось с ними дальше. Я расскажу об этом, когда придет время, обещаю.

Однако вначале позволь мне перенести тебя в ту ночь, которая не имеет к ним никакого отношения, зато прямо связана с другим мальчиком. Той ночью он впервые услышал, как кричит его приемная мать...

Схватки начались у султанши Зирана прямо на заседании Совета. Визири так жарко спорили о том, как сохранить зерно во время предстоящего сезона дождей, что обратили внимание на царицу только тогда, когда она согнулась от боли, а по ее алому одеянию расплзлось кровавое пятно.

Прибежали дворцовые повитухи и отвели султаншу в родильную комнату. Вскоре в Ксар-Алахари прибыли все семь Верховных Жриц — каждая со знаками благословения богов: священными травами для воскресения и освященными маслами для помазания новорожденного члена царской семьи.

Во время четвертого приступа схваток султанша начала кричать.

— Неужели матери всегда так кричат при родах? — прошептала старшая дочь царицы, прислушиваясь к доносящемуся из-за двери крику. Восемилетняя девочка мало чем могла помочь повитухам, поэтому принцессу Ханане оставили сторожить дверь. Это задание она выполняла со всей серьезностью, и воины, которые на самом деле охраняли родильную комнату, ни одним взглядом не давали ей усомниться в том, что она делает нужное дело. Однако теперь, после нескольких часов, проведенных у двери, радостное волнение от того, что у нее скоро появится братик или сестричка, сменилось растерянностью: Ханане не ожидала, что произвести на свет нового человека настолько тяжело.

Принцесса вздрогнула, когда до нее в очередной раз донесли сквозь дверь низкие протяжные стоны и беспокойные, быстрые перешептывания.

— Кажется, она умирает.

— Умирующие стонут совсем по-другому, — сказал мальчик, стоявший рядом с принцессой все это время. Фарид — сирота на попечении у царицы, который повсюду следовал за Ханане, словно вторая тень, — был склонен к подобным мрачным высказываниям. Он появился в Ксар-Алахари почти год назад, после того как при нападении разбойников были убиты его сановные родители, а он выжил — единственный из всей семьи. И по сей день голос его оставался тихим и невыразительным, а взгляд темным и тусклым — гораздо темнее и тусклее, чем должен быть у десятилетнего ребенка.

Этот взгляд переместился со встревоженного лица Ханане на небо за балконным окном. На горизонте клубились черные тучи, в них вспыхивали белые зигзаги молний — невиданное в это время года зрелище.

— Уж я-то знаю, — добавил он.

Из родильной комнаты снова донесся крик. Ханане прислушалась, широко раскрыв глаза. Прошло еще несколько томительных минут, и дверь наконец открылась, но в проеме стояла не ее среброволосая мать с младенцем на руках — это был царь.

— Баба! — Ханане подбежала к отцу. Фарид, как обычно, не отставал от нее. — Все закончилось? Мой братик родился?

— Еще нет. — Царь вздохнул и потер глаза, вокруг которых наливалась синева. — И мы ведь еще не знаем, кто родится, мальчик или девочка. Возможно, у тебя будет сестричка.

— Нет, братик. Я это точно знаю, — безапелляционно заявила она, и король при виде ее детской непосредственности улыбнулся впервые за несколько дней. Однако улыбка эта сразу угасла — снова раздалась крики султанши. Ротик Ханане искривился, взгляд заметался между отцом и дверью в родильную комнату.

— С-с ними же все будет хорошо, да? — спросила она отца. В воздухе между ними, казалось, материализовались и замерцали души не переживших роды младенцев. Если и этот не выживет, то мертворожденных братьев и сестер у Ханане будет уже четверо. Она давала им имена, которые знал только Фарид, — если бы она рассказала об этом родителям, то причинила бы им сильную боль.

— Конечно, — сказал царь — и сказал совершенно искренне, потому что сердце не позволяло ему помыслить о каком-либо ином исходе. Небо расколола пополам ослепительная молния, и после долгого мгновения тишины до дворца докатились низкие раскаты грома. В эту минуту служители Храма Ветра, без сомнения, бросились лихорадочно расшифровывать это послание Сантрофи, Ветром Рожденного, небесного покровителя всех, кто принадлежит к Сизигии Ветра.

Царь бросил взгляд на окно, за которым бушевала буря, сказал что-то так тихо, что ни Ханане, ни Фарид его не слышали, и присел на корточки, не обращая внимания на взгляды стражников, которые были изумлены его намерением, умалявшим, по их мнению, его царское достоинство. Он распахнул руки для объятия, и хотя Ханане и Фарид уже приближались к тому возрасту, когда такая ласка могла показаться им слишком детской, они с благодарностью прижались к нему.

— Твоей матери доводилось превозмогать тягости и похуже. В этот раз она тоже все преодолеет, и у тебя появится младший братик или сестренка. Ты будешь с ним играть.

— Даже если не появится, у тебя всегда буду я, — сказал Фарид.

Ханане улыбнулась ему.

— Да. У меня всегда будешь ты.

Царю стало не по себе при виде того, как просветлело лицо сироты после слов Ханане, но он не поддался тревоге. Когда Фарид только появился в Ксар-Алахари, он больше походил на призрак, чем на живого мальчика: он был так замкнут в себе, что можно было часами находиться с ним в одной комнате и позабыть, что он там вообще есть. Благодаря Ханане он начал выглядывать из своего панциря, и это дорогого стоило. И кроме того, разве не каждому родителю хочется, чтобы его дети дружили, как Ханане с Фаридом?

Царь собрался было сказать что-то еще, но его прервали крики звавших его повитух. Он вскочил на ноги и бросился в родильную комнату. Прежде чем за ним закрылась дверь, принцесса успела заметить мечущихся по комнате женщин, покрытое потом лицо матери и ворох окровавленных тряпок. Ханане бросило в дрожь, Фарид потянулся, чтобы успокоить ее, но она оттолкнула его и сложила руки в молитве. Она родилась под покровительством Сизигии Солнца и молилась Львице Гьяте о том, чтобы ее братик или сестренка, —

конечно, лучше бы братик — родился здоровым и веселым и всегда играл с ней, даже когда ей не хотелось бы делиться с ним игрушками или сладостями.

Жрицы говорили, что боги более охотно вознаграждают просителей, если те предлагают взамен какую-то жертву, поэтому она пообещала:

— Я готова отдать тебе все-все, что ты только захочешь, если они будут жить.

Не успела она договорить, как алебастровые стены дворца сотряслись от оглушительного громового раската. Принцесса открыла глаза и вдруг увидела чудо: на долю мгновения — столько времени занял бы взлет бабочки или последний вздох — все дождевые капли повисли в воздухе, словно тысячи маленьких жемчужин. Ханане воскликнула: «Фарид, смотри», — но, когда он обернулся к балкону, там уже шел обычный дождь.

Пройдут годы, и этот вечер превратится в смутное воспоминание и займет свое место в длинном ряду детских впечатлений принцессы. Но в это мгновение она верила — верой высокой, как гора, и широкой, как море, — что боги услышали ее мольбу и ответили на нее. Не прошло и минуты, как дворец огласился младенческим криком, и Ханане, сразу позабыв о Львице Гьяте и о том, что она дала ей обет, бросилась в родильную комнату, к только что пришедшей в мир сестре.

1

МАЛИК

В сверкающем дворце из алебастра и серебра, на высоком холме в сердце золотой пустыни, лежал мальчик. А в этом мальчике росло дерево.

Из всей рощи это дерево было самым большим и высоким, в его пышной кроне желтели крупные яркие лимоны. Оно было ненастоящим, как и вся роща, где оно росло, но Малика это ничуть не заботило. Долгие годы он считал, что его разум — это пустырь, где не приживается ничего, кроме полученных в детстве травм; но если он может создать нечто прекрасное и полное жизни, то, может быть, он не так уж бесплоден, как ему казалось.

Да, лимонная роща была прекрасна, и она была бы идеальной, если бы не плененный там змей.

— Глупец, мальчишка! — взревел Царь Без Лица, и в его голосе слышались громовые раскаты и грохот разбивающихся о берег волн, темное колдовство и еще более темная одержимость местью. Извиваясь, он старался ослабить веревки, которыми он был привязан к дереву в самом сердце рощи. — Тебе не удастся держать меня здесь вечно.

Малик вздрогнул, ощутив внутри своего существа всю силу гнева обосуме. Давным-давно Царя Без Лица почитали во всей пустыне Оджубай. Его знали как Эве, и он был олицетворением реки Гоньямы — в те времена еще полноводной. На вершине своего могущества он мог сокрушать и строить заново целые царства.

А сейчас его захватил в плен обычный мальчишка, который ничего не смыслит в колдовстве. Унизительность положения приводила Царя Без Лица в еще большую ярость.

Царь Без Лица снова забился в веревках, и это отозвалось нестерпимой болью во всех уголках сознания Малика. Его как будто разрывало надвое изнутри. Он рухнул на колени и стиснул зубы, чтобы не закричать. Все это не по-настоящему. Как только он проснется, все закончится.

Во время сна власть человека над собственным разумом ослабевает, и поэтому Царь Без Лица пытается сбежать, когда Малик спит. На Малика обрушилась волна боли, и он напомнил себе, что случится, если обосуме вдруг вырвется на свободу. Этот злой дух носил еще одно имя: Идир. Когда-то, много веков назад, он был возлюбленным царицы Баии Алахари, а теперь он так сильно ненавидит Зиран, что, даже если хотя бы малая часть его силы прорвется сквозь пути, он без сожаления сотрет весь город с лица земли и убьет всех, кто дорог Малику.

Причиной его ненависти была несправедливая обида, нанесенная ему за тысячу лет до рождения всех, кто жил сейчас в Зиране: Баия Алахари предала Идира ради того, чтобы избавиться от тирании предков Малика — Улраджи Тель-Ра.

Малик не сожалел о том, что пленил духа внутри собственного разума, — но, помоги ему Великая Мать, как же это было больно.

— Как ты смеешь сравнивать себя с прежними улраджи? — сказал Идир, и хотя Малик делил с ним свой разум уже почти пять дней, он все равно вздрогнул от неожиданности, когда тот прочитал его мысли. — Твой слабенький дар — только малая частица их сил, и даже они на пике своего могущества не смогли бы удерживать меня в плену долгое время.

Еще одна волна магической мощи Царя Без Лица ударила изнутри в череп Малика. Она обжигала, словно раскаленное

железо. Это должно было его разбудить и хотя бы на время отсрочить изматывающую борьбу с обосуме, но Малик продолжал спать. Любопытно, бьется ли он сейчас в конвульсиях или спокойно лежит в постели и на его лице не дрожит ни один мускул? Если Идир сейчас убьет его и завладеет его телом, кто-нибудь об этом вообще узнает?

— Это был умный ход — поймать меня в ловушку, — прошипел Идир, — но ты не учел одну вещь. — Ты можешь проникнуть в мое сознание, оно открыто перед тобой, — но и у тебя нет никакой защиты против меня. Я знаю о каждом движении, каждом повороте твоих мыслей, я могу добраться до самых темных углов твоего разума, даже туда, куда сам ты не осмеливаешься заглянуть. — Пленный Царь Без Лица вынужден был оставаться в человеческом обличье, но о его настоящем облике напоминали змеиные глаза, сверлившие Малика с древней, тысячелетней ненавистью. — Вот откуда я знаю, что тебе не хватит сил на то, чтобы держать меня здесь вечно.

В животе у Малика зашевелились слишком знакомые ему щупальца паники. В конце концов, разве можно противопоставить его поверхностные познания в улраджийской магии духу, которого когда-то почитали как божество? Да, он умеет плести сказы, но как это может помочь ему в противостоянии обосуме? Эта борьба требует нечеловеческих сил, а он всего лишь человек — маленький, слабый, жалкий. Он не выдержит этой борьбы, он не должен был бросать вызов обосуме, он только оттягивает неизбежное, он...

Нет. *Нет.*

Малик понимал, что, если крутящийся водоворот паники втянет его, он в конце концов, как последний трус, запросит у Идира пощады. По крайней мере, так поступил бы тот Малик, каким он был в прошлом.

Но тот Малик умер в последний день Солнцестоя, когда вонзил кинжал себе в сердце. А новый Малик, хотя и не обладал силами божества, все же не был таким беспомощным.

— А мне и не обязательно быть сильным, — сказал Малик и заставил себя встать на ноги, хотя каждая частичка его тела взывала от боли. Он вспомнил всегдашние успокаивающие слова бабушки, и они наполнили его существо, прогнав боль и неуверенность.

Дыши. Будь здесь. Будь сейчас.

Малик поднял голову и решительно встретил пристальный, испытующий взгляд Царя Без Лица.

— Мне достаточно быть просто сильнее тебя.

Дух и раньше был зол, но это не шло ни в какое сравнение с тем взрывом гнева, который вызвали слова Малика. От ярости Царя Без Лица задрожала вся лимонная роща. Чтобы не упасть, Малик схватился за ближайшее дерево, но отдернул руки — кора дерева налилась нестерпимым жаром. Земля под ногами превратилась в пепел, потом провалилась, и Малик стал падать вниз, в такие глубины своего разума, откуда не было пути назад. Он всеми силами старался остановить стремительное падение в разверзшуюся под ним бездну, всеми силами пытался проснуться — и не мог.

А затем сквозь клубящийся хаос пробился луч золотого света: единственная нить нкра, стихии, из которой проистекала вся магия на свете. Не зная, куда ведет эта нить, Малик ухватился за нее — потому что ухватиться было больше не за что. Он ощутил аромат теплой земли после весеннего дождя.

Так пахнет Карина.

Не успел он это подумать, как снова полетел вниз, в скрытую область своего разума, быстро отдаляясь от лимонной рощи и запертого в ней Царя Без Лица.

Вдруг чувство падения исчезло. Малик медленно открыл глаза и увидел, что окружен пышной зеленой растительностью.

Все вокруг было словно затянута легкой дымкой, указывавшей на то, что он так и не смог проснуться, но это не помешало Малику поразиться богатству флоры зеленого мира: